

Сергей Кравцов (Михалыч)

ПОЛТЕРГЕЙТ

В

ПРОШМЫРКИНЕ

Сергей Кравцов

Полтергейст в Прошмыркине

«Автор»

2021

Кравцов С. М.

Полтергейст в Прошмыркине / С. М. Кравцов — «Автор», 2021

Этим невероятным событиям более тридцати лет. Глухое отдалённое село Прошмыркино переживает общие для всего Союза непростые времена конца 80-х, все перипетии и коллизии той поры. И вдруг всё переменилось! Вначале в село наведальась "летающая тарелка", с экипажем которой познакомились два двоюродника местной школы. И началось! В селе вдруг завёлся полтергейст, терроризировавший бывшего колхозного механизатора Федю Колотушкина. Не успел Федя избавиться от напасти, как хулиганистый дух размножился по всей деревне. Начался inferнальный катаклизм и, одновременно, всемирный ажиотаж. В Прошмыркино приезжают исследовательская экспедиция, уйма спецов по части оккультизма (колдуны, шаманы и прочие), полным-полно и представителей СМИ. Вокруг села разгораются нешуточные страсти - и научные, и мистические, и политические, и лирические... И кто бы догадался, что там творится на самом деле?!

© Кравцов С. М., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Кравцов

Полтергейст в Прошмыркине

Предисловие

хроники необычайных событий лета 1989-го года

Недавно это было – всего, каких-то, лет тридцать назад. А кажется, будто с той поры прошла целая вечность. Вроде бы, ещё вчера мы жили в стране Советов, а сегодня уже живём в стране Дум. В общем, совсем, как в той старой песне: это было недавно, это было давно... Да, всего за каких-то тридцать лет изменилось очень даже многое. Появились новые общественные отношения, новые формы собственности, новые термины, понятия, названия, в том числе и географические. Впрочем, если разобраться, то люди-то, по сути, остались такими же, что и были. Те же у них остались заботы, те же проблемы, да и радости с горестями те же, что и тогда, во времена властвования «ума, чести и совести нашей эпохи», который вёл страну к коммунизму. Кстати, что такое коммунизм? Это мечта мальчика из ещё советского мультика «Вовка в тридевятом царстве», где – только пожелай: сколько угодно пирожных, морожных, при этом, ничего не умея, и ничего не делая.

В исторически-лирически-сатирической буффонаде-фэнтези «Полтергейст в Прошмыркине» описывается тот необычный период жизни нашей страны, когда мечта о коммунизме уже стала политическим анекдотом, а новая мечта, о «социализме с человеческим лицом» и «светлом капиталистическом будущем» состряпанная т.н. «демократами» ещё не обратилась в жестокую действительность «лихих девяностых».

О чём эта повесть? О том, как летом 1989 года, когда ещё был СССР, и никто вообще даже не слышал жуликоватого иноземного слова «ваучер», в глухом, провинциальном селе Прошмыркине, вдруг начали происходить феноменально загадочные и фантастически невероятные события. Некие аномальные силы, можно сказать, оккупировали территорию Прошмыркина, и начали творить на ней паранормальный произвол, не поддающийся рациональному объяснению. Благодаря этому, мало кому известная глушь вдруг стала мировой столицей сенсаций. Дабы разобраться в том, что же это за напасть, в село прибывает целая команда учёных, уйма всевозможных «работников оккультных профессий» (типа, колдунов, шаманов, знахарей и прочих), съезжаются представители мировых СМИ, начинается вселенский ажиотаж.

И, никто-никто не может докопаться до самого главного: в чём же суть аномальщины, свалившейся на злосчастное Прошмыркино? Впрочем... Такое ли уж оно «злосчастное», это село? Как бы, не наоборот! Хотя почти всю весну и лето непостижимо загадочные, ничем не объяснимые силы глумятся и куражатся над бедными сельчанами, те данным обстоятельством почему-то более чем довольны. Ещё бы! Чего недовольствоваться-то, если, в отличие от соседних сёл, в местном сельмаге есть всё, что только душа попросит, и – никаких талонов?! И только лишь с наступлением осенних холодов локальный катаклизм колдовских аномалий вдруг прекращаются сам собой. И лишь потом вдруг выясняется, что «ларчик»-то открывался проще простого...

Могло ли быть такое на самом деле? В общем-то, да. После многолетней эпохи воинствующего атеизма в СССР, который отрицал абсолютно всё сверхъестественное (и Бога, и его антипода), когда, наконец-то информация об аномальных явлениях стала появляться в СМИ, любое такое сообщение вызывало массовый ажиотаж: это ж, надо же!!! Кто не помнит запретельные рейтинги телерепортажей из простой московской общаги ПТУ, где вдруг объявился первый в Советском Союзе полтергейст, названный «барбашкой»? Так что, Прошмыркино – не такая уж и бредовая выдумка...

В буффонаде-фэнтези нет, как рафинированно-положительных героев, так и иллюстративно-отрицательных. Ведь если и прежде, при Союзе, хватало достаточно приличных людей, то и сегодня есть живущие по совести. Если тогда были махровые хапуги, то и сегодня их в избытке. Если тогда были дурошлёпы с мякиной головой, то, кто скажет, что сегодня их нет? Ведь главное для человека любой эпохи – жить в согласии со своим внутренним «цензором», способным различить, что есть правда, и что есть кривда, что есть белое и что есть чёрное... Разве не так?

И последнее. Наверное, у кого-то по прочтении этой повести возникнет вопрос: так, а была ли в Прошмыркине настоящая нечистая сила и прилетали ли туда инопланетяне? Говорю, как на духу: сам не знаю. Как сказал персонаж одной старой комедии: есть ли жизнь на Марсе, не ли жизни на Марсе, это науке неизвестно...

* * *

Глава 1

в которой рассказывается о славном селе Прошмыркине, внеплановом визите в оное «летающей тарелки», а также о доблестных двоечниках-экстремалах, не убоявшихся межпланетных контактов

Трудно сказать, кто, в кои времена, и почему именно, дал Прошмыркину такое, не совсем обычное название. Одну из версий на этот счёт в районной газете «Труба революции» выдвинул известный прошмыркинский всезнай и краевед Аркадий Ослонский, он же – бессменный заведующий местным ФАПом. Как явствует из его исторического очерка, данную местность Прошмыркиным когда-то нарёк боярин Мироблуд Подкопённый. Впрочем, стоит сразу же уточнить, что местные злые языки, величавшие акушера-краеведа Ослонским, выражали немало сомнений насчёт достоверности его утверждения. Прежде всего, никто не мог доподлинно точно сказать: а существовал ли он вообще, этот вышеназванный боярин? Но, по мнению Ослонского, боярин – был, и ещё сам князь Рюрик за верную ратную службу одарил Мироблуда земельным уделом в этих краях.

Дабы доказать свою правоту, Ослонский не поленился раскопать один из окрестных курганов, в недрах которого нашёл рукописную бересту. Он расшифровал написанное глаголицей письмо некоего инока Фифемия, адресованное иерею Егрефорию, из которого выяснилось точнее точного: Подкопённый – не вымысел! Это реальная историческая личность. Фифемий в берестяном послании рассказывал о том, как, прибыв в свои новые владения, боярин, по несчастью, встретил лихих татей в глухой лесной чащобе. Те, разогнав его стражу и слуг, отобрали у боярина всё, вплоть до исподней шубы. И тогда, великим чудом оставшись в живых, по возвращении в свой терем повелел Мироблуд Подкопённый наречь дарованные ему земли Прошмыркиным. Почему именно так, а не как-то иначе?

На этот вопрос краевед привёл весьма серьёзные аргументы. На местном диалекте «прошмыркнуть» означало зажмурившись, сломя голову, отчаянным рывком пробежать, проскочить мимо какой-то опасности. Не случайно боярин наставлял своих отпрысков: «...Ежели кому не надоела жизнь, то, при посещении Прошмыркина, следует гнать коней своих во весь опор, дабы успеть прошмыркнуть эти земли с резвостью ветра буйного. Иначе претерпеет всяк явивший нерасторопность и неразворотливость беззаконно-злочинное ограбление, а также осмеяние и поругание воровскими людишками...»

С тех же самых достославных лет, по рассказам старожилы и волости, и уезда, деревня Прошмыркино знаменита была всевозможными чудесами и необычайными явлениями, случавшимися в её окрестностях. Доселе сохранились повествования очевидцев о том, как разбушевавшийся леший в одночасье заваливал все окрестные дороги непроходимым буреломом. А ещё, сказывали очень многие былинники и летописцы, в здешних водоёмах творилось вообще, невесть что!

Например, весьма нередко случалось так, что русалки-озорницы, защекодав очередного зеваку, утаскивали его на дно омута. Что происходило с утопленниками на глубине – так и осталось тайной. Однако многие из тех, кого удавалось выловить и откачать, потом зачем-то снова лезли в тот же омут. При этом они очень серчали на русалок, и негодовали по той причине, что зеленоволосые бесчинницы отчего-то вдруг напрочь теряли к ним всякий интерес, и вновь топить их больше не собирались. Последний такой случай произошёл в год семидесятилетия Октября, когда член парткома колхоза «Рассвет коммунизма», передовой механизатор Игнат Дуделкин, после «принятого на грудь» литра «Столичной», в одном исподнем бегал по берегу омута и обиженно орал на всю округу:

– Девчонки-и-и! Ну, где вы там? Ау-у-у! Я – вот он, пришёл! А вы чего прячетесь?

Трудно сказать, чем всё это могло бы закончиться, если бы не внезапное появление на том же берегу жены Дуделкина со скалкой, которая, вполне вероятно, имела волшебные свойства, ибо всего одного касания этим предметом спины супруга было достаточно, чтобы Игнат мгновенно протрезвел, и под конвоем своей «половины» отправился домой.

Ну а уж о том, что вытворял старый безобразник водяной, на собственном опыте знало немало чисто прошмырчанок, о чём они только шёпотом рисковали рассказывать друг другу о своих приключениях.

Немало сохранилось преданий и о визитах в эти места страшного, огнедышащего змея-горыныча, любившего полакомиться деревенскими бурёнками, пасшимися на просторной лесной полянке... Да, мало ли чего невероятного, и всякого иного сверхъестественного, случалось во времена далёкие, когда Прошмыркино утопало в непроходимых, дремучих лесах, раскинувшихся на десятки вёрст во все стороны? Когда в гиблых (не к ночи будь помянуты!) прошмыркинских болотах бесследно мог пропасть и конный, и пеший, и пришлый, и ушлый?..

Однако с течением веков бывшее густым быльём поросло. А вот дремучие леса – напротив, стали намного жиже, уподобившись, скажем, кудрям на макушке колхозного конюха, деда Антипа. То бишь, вроде бы, они есть, а заблудиться в них – поди, попробуй! Решительными усилиями мелиораторов некогда бездонные болота обратились в филиалы пустыни Сахары. Именно за это местная жительница Василиса Предрёмная после пары сеансов радиопередач вражьего голоса Би-Би-Си, а также использования толчёных мухоморов вместо нюхательного табака (отчего-то давно уже не завозившегося в местное сельпо), аполитично прозвала их «супостатами» и «анцыхристами». Подобная антисоветчина даже стала поводом к рассмотрению на бюро райкома вопроса об упущениях сельских парторганизаций в массово-политической работе, что повлекло падения уровня политической грамотности и самосознания труженников села (это ж надо такое сказать про советских мелиораторов?!).

Понятное дело, с учётом вышеназванных причин, места обитания нечистой силы постепенно утратили для неё всякий комфорт, и она, в основной своей массе, как-то так, незаметно испарилась. А с ней – и бывшие суеверия. Долго ли, коротко ли Прошмыркино скучно прозябало под вывеской хронически убыточного колхоза «Рассвет коммунизма» (окончательный закат которого отсрочивали периодические финансовые вливания государства), как однажды всю округу потрясло десятибалльной силы новостью: в Прошмыркине снова завелись чудеса. И не какие-то ветхозаветно-сказочные, со всякими там заурядными кикиморами и домовыми, а наисовременнейшие, где-то даже – научно-фантастические!

Всё началось с визита «летающей тарелки». Её появление было замечено двумя девятиклассниками местной школы. Из-за этого они даже опоздали на урок. Впрочем, если честно, то на уроки они опаздывали и раньше. А бывало, не приходили и вовсе. Но вот именно в этот раз пришли. Историчка Марфа Лаврентьевна, аккуратно выводящая в классном журнале традиционную, пятую по счёту двойку, покосившись в их сторону левым глазом, деликатно поинтересовалась:

– Где шлялись, охламоны чёртовы?

Немного помявшись, нарушители школьной дисциплины известили её о том, что они совершали небольшой променад за околицей села, где, как-то так, случайно, про меж делом, установили межпланетный контакт с посланцами чужой цивилизации. Правда, на Марфу Лаврентьевну услышанное никакого впечатления не произвело. Издав многозначительное «Хм-м-м-м...», она уже хотела, было, отправить их на место, сопроводив любимым напутствием: «Посидите без обеда – поумнеете!» (за что вся школа величала её Марфой-посадницей), но... Но охламоны, оскорбившись столь вопиющим недоверием к их словам, немедленно выдали такие сведения, такие подробности, что, как говорится, тушите свет. Слушая их, историчка вначале слегка засомневалась – да, мыслимо ли такое вообще?.. Но потом призадумалась – а

вдруг? А почему бы нет?! И, наконец, её внезапно озарило: а ведь тарелка-то, товарищи, прилетала и в самом деле! (Ну, нельзя же, невозможно же так нагло, и бессовестно врать!).

Недоверие Марфы Лаврентьевны в какой-то миг вдруг резко пошатнувшись, начало стремительно таять, как мог бы растаять кубик льда в тарелке горячих щей. А хлопцы, самозабвенно сверкая очами, продолжали повествовать о той невероятности, что приключилась с ними. Они вдохновенно, с фантазией и вкусом описали ОЛО (опознанный летательный объект) и самих тарелконоавтов.

– Они такие... Зелёные, как баксы! – горячо повествовал долговязый Женька.

– Ага! А на голове – рога-а-а! – сипловато вторил толстощёкий Колька.

От таких умопомрачительных рассказов Марфу Лаврентьевну, несмотря на весь её былой скептицизм, начал бить нервный озноб...

Вообще-то, о Марфе Лаврентьевне – личности широко известной далеко за пределами Прошмыркина и, в чём-то даже, легендарной, стоило бы рассказать особо. Она являла собой живой, положительный пример политической убеждённости, нравственной зрелости и идейной стойкости на всех партийных и профсоюзных собраниях, куда её из-за этого очень боялись приглашать. А то ж! После её зажигательных речей у всех присутствовавших на собрании внезапно появлялось желание немедленно, причём, добровольно, отконвоировать самих себя на лесоповал. Ну а члены его президиума покидали зал заседаний с целым букетом моральных и физиологических травм: кто – со стойким, неизлечимым заиканием, кто с тиком на оба глаза. Её девиз: «Ни дня без двойки!» среди окрестных педколлективов был притчей во языцех. Молодые педагоги рисковали произносить её имя всуе только почтительным шёпотом. Директор школы, в которой к несчастью для него и всего педколлектива пламенно трудилась Марфа Лаврентьевна Гранитова, в её присутствии чувствовал себя распоследним, отъявленным разгильдяем, место которому только в клинике для страдающих ацефалией. Да что там директор! Сам (САМ!!!) первый секретарь райкома партии Рубакин на районных и зональных партхозактивах, которые Гранитова посещала всегда и при любых обстоятельствах, лишь завидев её, испытывал нервную дрожь. Едва Марфа Лаврентьевна выходила на трибуну, как «первый» невольно начинал ощущать себя презренным оппортунистом, одновременно правого и левого уклона, отъявленным декадентом и конченным приспособленцем, место которому только на Колыме.

О Марфе Лаврентьевне с самой давней поры слагались мифы и легенды. Рассказывали, что в годы её студенческой юности редкий из однокурсников рисковал пригласить на танцы в соседний парк культуры и отдыха Ленинского стипендиата Марфушу Гранитову. Ну, или, там, в кино, хотя бы на детский сеанс, пусть даже и фильма «Ленин в октябре». И вовсе не по причине каких-либо внешних её недостатков. Если бы! С собой Марфуша была очень и очень хороша.

Однако всякий смельчак, вознамерившийся «поворковать» с комсоргом пединститута Гранитовой, всю последующую неделю был обречён вместо обычных слов судорожно, попугайски повторять: «проходит красной нитью», «имеет непреложное значение», «в аспекте диалектического материализма», вперемешку с цитатами классиков марксизма-ленинизма.

Был случай, одного из поклонников Марфуши так заклонило на политический слог, что ему пришлось обращаться к знакомому психиатру. Излечившись, бедолага, как только мог, стал избегать даже случайных встреч с Марфушей. Однако впоследствии оказалось, что это явление было способно на опасные рецидивы.

Лет десять спустя тот самый, уже бывший студент, под кудрявой берёзой в парке объяснялся в любви своей избраннице. И – надо же было такому случиться: невдалеке от них по аллее в этот самый момент случайно прошла Марфа Лаврентьевна. И – всё!!! Лишь взглянув на неё, экс-студент вдруг мгновенно забыл все те слова, что хотел сказать своей любимой. Внезапно, вопреки своей воле, он словно под влиянием гипноза, начал повторять то, от чего, каза-

лось бы, избавился на приёме психиатра: «Мы к коммунизму держим путь!», «Даёшь пятилетку за три года!», «План – закон! Его выполнение – долг, перевыполнение – честь!»...

Перепуганная кандидатка в невесты сломя голову ринулась наутёк, а он помчался следом, сляясь крикнуть: «Постой, я люблю тебя! Выходи за меня замуж!», но на самом деле крича: «Все на субботник! Догнать и перегнать Америку! Свободу жертвам апартеида!...»

В Прошмыркине рассказывали, как однажды отец Артемий – настоятель районного храма святой Варвары Великомученицы, прослышав о необычайных строгостях, проявляемых наставницей юных прошмырчан, и учиняемых ею притеснениях безвинных отроков и отроковиц на ниве народного просвещения, не поленился приехать в означенное село. Он вознамерился увещевать оную строговливицу, и просить её о смягчении нравов.

– ... Явите милосердие, дочь моя, – рокотал он смиренным басом, окутывая Марфу Лаврентьевну дымом кадила, – ибо ведомо мне стало, что многие чада, грамоту постигающие, постоянно пребывают в страхе и смятении. Едва завидев вас, они готовы покидать сей храм знаний, сигая прямо в окна. Не по-божески, не по-божески поступаете, почтеннейшая, изнурая даже достойных чад обилием двоек!

Мужественно щёлкнув в ответ импортной зажигалкой, сработанной братским пролетариатом зарубежных стран, и, обдав о. Артемия дымом сигареты «Космос», Марфа Лаврентьевна дала достойную отповедь служителю духовного опиума:

– Вы ошибаетесь, гражданин батюшка, считая мою педагогическую практику сплошным безбожием. Да, я – атеистка, но, тем не менее, именно я поступаю в полном соответствии с божеской методикой и его последними инструкциями, изданными в свете Священного писания. Вспомните-ка! Перед Всемирным потопом именно Творец выдал директиву оставить всякой твари по паре. Было? Было! Ну а я, во исполнение данного положения, в свою очередь, всякой твари ставлю по паре. Укажите: в чём тут разница?

Сражённый наповал в богословском диспуте, отец Артемий спешно ретировался, и больше уже не рисковал ввязываться в дискуссии с завучем Прошмыркинской школы Гранитовой. Безусловно, достоверность описанных выше событий вполне очевидна! Хотя... Очень вероятно и то, что все эти повествования – не более чем выдумки досужих школяров...

Продолжим. И вот, Марфа Лаврентьевна, эта, казалось бы, навеки окаменевшая глыба ледяного скепсиса, внезапно растаяла, расплывшись в растерянном-мечтательной улыбке. Самое главное, она никак не могла заподозрить ни Кольку, ни Женьку в плагиате какого-нибудь рассказа Кира Булычёва или братьев Стругацких, поскольку твёрдо знала, что хлопцы с первого класса и по данный момент так и не смогли осилить букварь. А видеосистемы, по которым они могли бы увидеть что-нибудь импортно-фантастическое, наподобие «Звёздных войн» Джорджа Лукаса, во всём Хрюндюковском районе встречались не чаще, чем «летающие тарелки».

Выходит, сказанное этими двоими сорванцами, реально – чистая правда?! Значит, они уже прибыли на Землю, наши братья по разуму?! В состоянии близком к «кондрашке», Марфа Лаврентьевна с трудом вышла из класса и, насколько это позволяли ставшие словно бы ватными ноги, поспешила в учительскую. Через пару минут по классам побежали восторженно-переполошенные старшая пионервожатая, комсорг школы и председатель совета пионерской дружины. Очумело хлопая глазами, прервав урок, в коридор выбежал и сам директор. Известие о прибытии НЛО застигло его в тот момент, когда он с упоением рассказывал восьмому классу об увлекательнейшем законе Авогадро. И если бы точно такую же невероятно-фантастическую новость ему принесли не от имени Марфы Лаврентьевны, всякому иному он с ходу вклеил бы выговор за срыв занятий, и известил бы об этом РОНО. Но поскольку о «тарелке» сообщил не кто-нибудь, а товарищ Гранитова, то это могло быть только наиправдивейшей истиной.

И вскоре школа зашумела и расплескалась штормовым морем, которое взвихрил ураганный информационный ветер. Об уроках, естественно, теперь уже не могло быть и речи, в связи с прибытием галактических братьев по разуму. Учителя и ученики вперемешку, толкаясь и спотыкаясь на узкой, скрипучей лестнице, бурным потоком хлынули на школьный двор, где, стоя на некотором отдалении от всех, с героями дня и восторженно-счастливой Марфой Лаврентьевной уважительно беседовал директор.

Потом, в присутствии всего коллектива школы, Колька и Женька повторили свой рассказ, попутно припомнив массу новых интересных деталей и подробностей. Выслушав их с затаённым дыханием, дабы не пропустить ни единого слова, школа в полном составе двинулась за околицу, где, рассыпавшись по обширному лугу, педагоги и их питомцы приступили к активному поиску следов приземления межгалактического звездолёта.

При этом на первых порах возникли кое-какие затруднения. Колька, указывая место приземления «тарелки», тыкал пальцем в сторону колхозной свалки металлолома, а Женька указывал совсем в другом направлении, на скособоченный сарай бабки Аграфены. Но, к удивлению обоих приятелей, шустрые первоклашки довольно скоро отыскали-таки на лугу, поросшем молодой, весенней травой, какие-то странные следы, которые, пусть и отдалённо, но напоминали опечаток опор гигантской треноги.

Это открытие вызвало взрыв ликования и энтузиазма. Кольку и Женьку долго подбрасывали вверх с криками «ура!», как если бы они сами совершили путешествие в иные миры. Шум и суматоха на лугу моментально взбудоражили всю деревню. Скоро там собралось почти всё её население, способное передвигаться. Деревня ахала, охала, восхищалась. С этого момента «тарелочная» тема стала самой популярной на всех лавочках и завалинках. Этим днём даже в детском саду было непривычно тихо. Забыв обычные проказы, малыши осторожно исследовали в своих тарелках манную кашу, чтобы ненароком не проглотить какого-нибудь нерасторопного инопланетяничка (а вдруг, тарелка с кашей – это мини-звездолёт космических лилипутов?).

На следующий же день по областному телевидению прошёл короткий сюжет о прошмыркинской инопланетной аномалии. Зрители увидели двух робеющих под пристальным оком телекамеры подростков, которые что-то маловразумительно бубнили про красные огни и зелёные рога. За их спинами, ласково приглаживая вихры на макушке, стояла Марфа Лаврентьевна, подтверждая и комментируя только что ими сказанное:

– ...Да, да, эти пришельцы были с Тау Кита. Да, да, на Тау Ките живут в красоте... Да, у них уже коммунизм, у них уже сбылась и стала явью мечта всего прогрессивного человечества!

А камера, как бы невзначай, захватывала в кадр часть луга, по которому с многозначительным видом шествовали какие-то люди, выставив перед собой, кто – свежесрезанную ивовую рогульку, кто – замысловато изогнутую толстую, медную проволоку. Отдельно, у небольшого костерка, что-то бормоча и приплясывая, хлопотал диковинного вида бородач в старинном зипуне и лаптях, образца времён отмены крепостного права. Он размахивал над языками пламени пучком каких-то трав и незаметно подбрасывал в костёр кулёчки с дымным охотничьим порохом марки «Олень», которые, громко фыркая, выбрасывали вверх фонтаны синего дыма.

Закончив брать интервью у героев дня, телевизионщики попросили сказать несколько слов и, как они назвали, «граждан, обладающих паранормальными способностями». И граждане сказали! Мужчина с проволочными загогулинами, назвавшийся прибывшим из областного центра Дуболобова «биолокатором» Еремеем, подтвердил, что здесь, действительно произошло нечто из ряда вон выходящее. Он смог зафиксировать сразу три типа торсионного излучения: пси-поля, чхи-потоки, и ври-лучи.

Его коллега с ивовой рогулкой и татуировками на руках, представившийся как лозоходец Светомир из местного райцентра Хрюндюково, заявил без обиняков, что этот луг уже

не раз становился местом приземления тарелок. Только спускались они сюда из космоса по ночам, поэтому ранее их никто не замечал. Нацелив рогульку в сторону юных контактёров, он согласился, что эти правильные пацаны Колян и Женёк (в натуре, век воли не видать!) и в самом деле «базарили» с тау-китяцкими «прилётцами»

– ...О каких «пришельцах» может быть базар? – вопрошал лозоходец. – Они же, блин, из своей тау-китянии к нам прилетели, а не пришли! Значит, они – «прилётцы»!

Но, уверял лозоходец «в законе», помимо тау-китян, в нам навевываются и представители других миров. Например, медведянцы с Большой Медведицы, и андромеяки – из туманности Андромеды. А ещё, сообщил хрюндюковский паранормалист, на большой глубине (километра два-три) под этим лугом сокрыт источник живой воды. Кто до неё докопается, тот получит возможность «отмотать не один столетний срок» своей жизни.

Сказал несколько слов работникам СМИ и тип в лаптях, который, как оказалось, был колдуном Харпилием, прибывшим из Неведомо Откуда. Покончив со своими фейерверками, он сообщил, что прямо сейчас на Луне добрые инопланетяне сражаются со злыми. Лично он своим колдовством помогает добрым. Но и всякий телезритель мог содействовать победе добра над злом. Для этого нужно несколько монет, желательно, в инвлюте... Нет, не угадали! Не колдуну отдать, а бросить в аномальное озеро Лешачье, что находится в лесной чащобе, километрах в пяти от Прошмыркина. По мнению Харпилия, Лешачье имеет мистическую связь со спутником Земли, поскольку от него к Луне тянется энергетическая пуповина, подпитывающая небесное тело. Произнести при этом следовало магические слова: своё добро отдаю добром на победу добра, ура!..

После показа телефильма, в редакцию областного ТВ пришло много откликов от зрителей, просмотревших этот потрясающий репортаж от начала до конца. Авторы утверждали, что по силе воздействия видеосюжет из Прошмыркина не уступал телесеансам с участием телецелителей Кашпировского и Чумака. У одних бесследно рассосались старые рубцы, у других пропала тяга к табаку, алкоголю, колбасе и сметане.

А ещё через несколько дней на лугу-тарелкодроме высадился целый десант иностранных теле-, фото-, и прочих журналистов. Посолидневшие Колька и Женька в новеньких, купленных школой «алясках», важно давали интервью бойкому корреспонденту какого-то издания – то ли «Дейли», то ли «Ньюс». Неподаляку робко толпились односельчане юных знаменитостей, которые пришли в надежде хоть чуть-чуть погреться в лучах нежданной-негаданной славы доблестных парней. Услышав какой-то непонятный шум и гам, вслед за своими односельчанами на луг пришкандыляла и бабка Аграфена. Приставив ладонь к уху, она долго вслушивалась в отзвуки иноземной речи. Наконец, внушительно стукнув оземь своим посошком, она сурово провозгласила, величественно глядя в сизоватые линзы объективов видеокамер:

– Годов сто назад, на ентом самом месте тутошний юродивый Дормидоша Недокумекин узрел знамение. Како именно – уж не помню. И снизошла на него небесна благодать...

– Он тошье узрел тарельку? – к старухе тут же подскочил бойкий корреспондент.

– А хто яво знат? Можа – тарелку, можа – макитру...

– И посье этоффо он, коньешньо ше поуменьел? – продолжал домогаться любопытный иноземец.

– Кудый там! – бабка Аграфена тягостно вздохнула. – Грят, последнего умишка лишился. Так дурнеем и помер...

Ценная информация, полученная от бабки Аграфены, попала на первые полосы многих мировых газет. Теперь, наряду со знаменитыми русскими словами «спутник», «перестройка», «гласность» и «водка», даже негры преклонных годов осваивали труднопроизносимое слово «Прошь-мырь-кьино».

* * *

Глава 2

Знакомящая читателя с горемычным трактористом Фёдей Колотушкиным и его персональным «поллитер-гостем»

Шумиха вокруг прошмыркинского «тарелкодрома» длилась не слишком долго. Как это часто бывает, стремительный взлёт громкозвучной славы села и его обитателей вскоре сменился столь же стремительным её закатом. Уже через неделю из телеэфира и со страниц газет исчезли последние о нём упоминания. И, кто знает? Возможно, уже никто и никогда и не вспомнил бы само слово «Прошмыркино», если бы не одно, чрезвычайно важное обстоятельство.

Не более чем через неделю после вышеописанных событий вновь возликовали жадные ловцы сенсаций: в Прошмыркине обосновался полтергейст! Да ещё какой! Говоря языком прошмыркинских всезнаек и обсуждальщиц на завалинках: с «кандибобером и фрындыбисером». Что такое «кандибобер» и, тем более, «фрындыбисер» – объяснить вряд ли кто из них сумел бы. Но! Зато всякий поклонник тайн и загадок «с полпинка» сразу же мог понять, что, это – нечто! Это – о-го-го! Это – ух, ты-ы-ы! И это – ой-ёй-ёй! То бишь, свалившаяся на Прошмыркино неведомая аномальщина оказалась необычайно нестандартной. Более того – склонной к неординарным выходкам и эксцессам, которые выходили за рамки обычных представлений о том, как должны себя вести энергетические сущности, явившиеся из других пространственно-временных измерений.

И вот, на место происшествия, по уже хорошо знакомой дороге (всё той же, вдребезги разбитой и раздербаненной), спешно прибыла толпа журналистской братии из числа и пишущих, и снимающих, как отечественных, так и «забугорных» информагентств. И реальность служителей СМИ не обманула: они воочию смогли убедиться в том, что именно в Прошмыркине потусторонний мир вновь вознамерился явить своё зловещее могущество. Представители «пятой власти» с ходу обнаружили картину неслыханного буйства потусторонних сил. И тем же вечером на областном и центральном телевидении, а затем и на ряде зарубежных телеканалов прошли видеосюжеты, посвящённые аномальным безобразиям в отдельно взятой советской деревне.

Ошеломлённые зрители увидели стоящего в окружении телекамер и микрофонов рослого сельчанина лет тридцати в цветастой ситцевой рубаше «а-ля Гавайи» навывпуск, производства хрюндюковского районного промкомбината. Сокрушённо всплёскивая руками, прошмыркинский абориген, назвавшийся Фёдором Колотушкиным, возмущённо повествовал:

– ...И с чего это, блин, никак не пойму, привязался ко мне этот, как его? Этот чёртов полтор... полторатер... поллитер-гость?! Ну, никакого житья не стало. Середь ночи телек об пол – раз! – и вдребезги. Правда, я его года два уже только слушать мог заместо радио. Ну, так, хоть это-то было! А теперь откуда я узнаю о новых горизонтах наших славных свершений?..

Подошедший к толпе журналистов и окруживших их сельчан парторг колхоза Василий Аврорский, услышав последние слова героя дня о «славных свершениях», тут же отметил в блокноте: «Немедленно поставить вопрос о приёме Колотушкина в партию!»

– ...Или, скажем, холодильник, – тем временем продолжал живописать абориген. – Уже под утро из дома сам за дверь выскочил вприпрыжку – вон он, на боку валяется. А я перед этим поставил в него непечатую банку кильки в томатном соусе. Догоняю, слышу – ёлки-палки! – внутри как будто кто-то чавкает. Эх, думаю, хоть холодильник уже и не морозит давно, занесу-ка я его обратно – вместо тумбочки сгодится. Так он, зараза, только рукой за него взялся, током меня бить начал! Ага!

Среди собравшихся послышались как удивленные, так и скептические междометия. Как видно, реакция скептиков ощутимо уязвила рассказчика, и он, дабы подтвердить подлинность

своих слов, немедленно направился к валявшемуся неподалёку холодильнику невесть какой марки и года выпуска.

– Во! Во, лупит! – осторожно прикасаясь к облезлому боку холодильника и, резко отдёргивая руку, восклицал абориген. – Вольт триста выдаёт – никак не меньше. Ой, тварь! Аж руку сводит! Ну, что, кто-нибудь хочет попробовать? Нет, вы – проверьте, проверьте! – настойчиво предлагал он, однако желающих проверить так и не нашлось.

Оглядевшись и, заметив на лице одного из присутствующих журналистов недоверчивую ухмылку, Федя Колотушкин немедленно шагнул к нему. Схватив его за руку своей мощной, механизаторской пятернёй, он чуть не волоком, без особой натуги потащил перепуганного насмерть репортёра к холодильнику, приговаривая, что это вовсе не смертельно:

– ...Приложи к нему только пальчик, и будет тебе «зайчик», – ласково уговаривал он отчаянно упирающегося скептика.

Позеленевший от ужаса представитель СМИ, лишь кончик его указательного пальца, прочно удерживаемого Федей, коснулся жестяного бока предмета домашнего быта, отчаянно взвизгнул и, запрыгав, замотал головой.

– О-о-о-й!!! Да, да! Бьёт! Ух, и бьёт, зараза!..

Теперь уже все без остатка смогли уверовать, что тут и в самом деле злодействует самый настоящий полтергейст! И не простой, а электронно-позитронно-нейтринный – Федя вдруг вспомнил, что на днях после грозы подле его дома кружилась шаровая молния.

– ...Не она ли в него влезла и там в железе застряла? – с задумчивым видом предположил абориген.

После показательного «эксперимента» и упоминании о шаровой молнии, вопросов к сельчанину стало ещё больше. Один из корреспондентов (на всякий случай, пряча свои руки за спину) вкрадчиво поинтересовался:

– А вот вы говорили, что ночью из холодильника доносилось чьё-то чавканье. Вы не проверяли, цела ли банка консервов?

– Да, где ж там было проверять-то?! Он меня током так шибанул, что у меня и глаза на лоб полезли, – Федя изобразил, как, примерно, это могло выглядеть. – А что? А, давайте, прямо ща все вместе и проверим. Минуточку!

Он сбегал домой за толстыми резиновыми галошами и электротехническими резиновыми перчатками. Натянув резиновые изделия на руки и на ноги, Федя провозгласил:

– Ну, что ж, рискнём!

Зрители тут же замерли и примолкли. Осторожно открыв дверцу холодильника, абориген изумлённо присвистнул и двумя пальцами извлёк из его нутра опустошённую консервную банку. Толпа ахнула. Колотушкин прошёл по кругу, показывая всем желающим зверски раскученную жестяную тару, явно, носящую следы чьих-то мощных клыков. Послышались испуганные охи. Однако герой репортажа был настроен оптимистично.

– Видно, шибко проголодался, бедолага, – улыбаясь, сочувственно отметил он. – Сдаётся мне, он не злой. С ним, думаю, поладить можно... – не снимая перчаток, Фёдор дружески похлопал по боку холодильника

Перечисляя нанесённый ему «поллитер-гостем» ущерб, Колотушкин показал изломанные и раздрызганные веники, изодранные в клочья половики, ни за что, ни про что разбитую бутылку первача. Рассказал он и о беззлобных проказах невидимого озорника.

– ...Вечером чай сяду пить – а кто-то сахар с солью перемешал. Спать ложусь – в полночь водой окатывает прямо в постели, – особо отметил Федя. – А, бывает, как завоет из трубы – аж, мурашки по коже! Утром умываюсь, зубы начинаю чистить, а в тюбике вместо пасты – горчица. Ага! Хотел побриться – электробриту кто-то сжёг, а простые лезвия – затупил. Вот, уже неделю хожу заросший... – он огорчённо провёл ладонью по длинной щетине на щеках.

В этот момент со стороны его дома донёлся грохот падающей мебели и звон бьющейся посуды.

– Ну, вот, уже и до буфета добрался... – указав на свой дом простёртой рукой и, вздохнув, сокрушённо констатировал Колотушкин. – Вот, бандюга! Ну, я тебе покажу! – он погрозил пальцем таинственному проказнику.

– Расскажите пожалуйста о себе! – небольшого роста брюнетка, скорее всего, уроженка Рима или Неаполя, решительно оттеснила коллег и энергично сунула сельчанину прямо под нос микрофон, похожий на ручную гранату.

– Ну, чего тут особенного-то рассказывать? – чуть засмутился герой дня. – Я – потомственный механизатор, Колотушкин Фёдор Иванович, пятьдесят девятого года рождения, военнообязанный, отслужил срочную на флоте. Норму на вспашке зяби выполняю на сто пятьдесят процентов, боронование и снегозадержание – все двести...

– А сейчас, сейчас-то чем занимаетесь? – услышав о процентах, поспешно перебила его брюнетка.

– Да, пока ничем. Сижу, вот, дома. С полу... С «поллитер-гостем» и начальством воюю. Тут, оно, как вышло-то? Ишачил я без передыху всю осень, зиму и весну, а наш пред половину моей работы своему пьянчуге-свояку отписал. Ну, не утерпел я, и выложил начальству всё, что о нём думаю. За это из колхоза и турнули. Теперь, вот, без работы сижу. Думал в фермеры податься, а землю никто не даёт – ни колхоз, ни район. Кредиты не дают. Технику взять негде. Уж не знаешь, кто тут и хуже – «поллитер-гость» или эти бюрократы чёртовы!..

Василий Аврорский, вновь достав из кармана блокнот, старательно зачеркнул напоминание о необходимости принятия Колотушкина в партию. В самом деле! С такими антисоветски-смутьянскими рассуждениями в партии делать нечего! Таких не берут в коммунисты!

– Как вы считаете, – оттеснил брюнетку высокий блондин скандинавской наружности, – откуда здесь мог появиться полтергейст?

– Так, ясное дело, только – с «летающей тарелки»! – Федя убеждённо развёл руками. – Откуда ж ещё он мог свалиться? – добавил он, глядя на облака.

Телерепортажи о прошмыркинском полтергейсте наделали шума, как бы, не больше, чем видеосюжеты с «тарелкодрома». Особенно, после демонстрации этих материалов телекопорациями Си-Си-Би, Би-Си-Эс и Би-Си-Би. Обложки так называемых «таблоидов» украсились портретами Фёдора Колотушкина в его цветастой рубахе навывпуск, которая вскоре стала очень популярна на великосветских раутах и ленчах, затмив уже поднадоевшие всем фраки и смокинги. По пыльным сельским дорогам, подпрыгивая на ухабах, вновь засновали как заурядно-привычные «Жигули», так и высокомерные «Мерседесы», юркие «Тойоты» и «Фольксвагены». Теперь ежедневно целые табуны репортёров осаждали двор Колотушкина. Они дотошно проверяли каждое материализованное проявление неподотчётных науке сил, изучая обломки телевизора, осколки гранёных стаканов, обрывки половиков.

Припомнив недавнее заявление Феди Колотушкина о незапланированных водных процедурах, каковые хулиганистый «поллитер-гость» полночной порой устраивал ему прямо в постели, одна из репортёрш выразила своё категорическое сомнение в подлинности данного факта. А потому, она изъявила намерение проверить его лично, так сказать, на практике. И – сегодня же! Тем более, что намечалось полнолуние, а потому, по мнению медиа-дамы, именно сегодня полтергейст мог явить себя во всей своей, так сказать, красе.

Засмутившийся Колотушкин, пожимая плечами, пояснил, что, не далее как вчера, «поллитер-гость», расходившись не на шутку, разломал его старый диванчик. И вот теперь ему, уступив свою койку репортёрше-экспериментаторше, придётся спать на сеновале. Снисходительно похлопав его по крепкому, трудовому плечу, репортёрша уведомила о том, что «Фьедь» коротать ночь на каком-то там «сьеновалье» вовсе не обязательно. Она его едва ли потеснит даже на односпалке, не говоря уже о чём-то более просторном. К тому же, ей одной,

наверняка, было бы страшновато, и по этой причине его близкое присутствие пришлось бы как нельзя кстати.

Неожиданно у соискательницы ночных чудес на пару с Колотушкиным появилось сразу несколько конкуренток, которые рьяно взялись оспаривать приоритет на это необычное исследование эзотерически-постельного свойства. С одной стороны, каждая сознавала, что его результаты гарантированно пахивают сенсацией. А это, наверняка, в разы могло бы повысить их рейтинг в профессиональной среде и ускорить карьерный рост. Кроме того, каждая твёрдо знала, что она – полпред могущественного информагентства, и за его интересы должна стоять грудью, а также, всем тем иным, чем её наградила природа. Ну и, разумеется, каждая помнила, что честь своей корпорации следует отстаивать, даже пожертвовав собственной, как говорится, без соплей и компромиссов.

Поскольку уступать друг другу никто из репортёрш и не помышлял, стихийно завязавшийся интеллигентный диспут мало-помалу перерос в неинтеллигентную склоку, вылившуюся в весьма вульгарный конфликт. Уже забыв о приличиях и самой первопричине инцидента, дамы награждали друг друга звучными эпитетами, самыми пристойными из которых были такие, как: «недоучка сорбоннская», «кембриджская выскочка», «гарвардская стерва» и даже «нимфоманка амстердамская».

В пылу словесной баталии каждая из скандалисток упорно стремилась доказать всем прочим, что именно ею движет чисто научный и профессиональный интерес к данному феномену, тогда как все прочие одержимы некими сомнительными намерениями, не имеющими ничего общего с наукой и журналистикой. Федя, оглушённый градом непонятных иностранных слов, лишь отстранялся и жмурился от мелькания дамских кулаков и сумочек. Он пребывал в полном недоумении и напряжённо размышлял о том, как же ему быть, и что бы такое предпринять, дабы прекратилось это безобразие.

Он уж, было, собирался, памятуя методу «поллитер-гостя», окатить не на шутку разошедшихся, излишне агрессивных дискутанток ведром ледяной, колодезной воды. Но тут дамский дебош внезапно закончился сам собой. И случилось это именно в тот момент, когда дамы уже начали переходить от слов делу. «Акулы пера» уже примерялись к причёскам своих оппоненток-конкуренток, чтобы как следует оттащить «этих кошёлоч» за их «патлы и космы». Но тут произошло нечто, для них весьма неожиданное.

Драчуни, скорее, даже не заметили, а всем своим существом ощутили направленный в их сторону чей-то взгляд, который был преисполнен высокоидейной нравственной чистоты и несгибаемых моральных устоев. Оглянувшись, репортёрши увидели даму с величественной осанкой королевы Шмыряндии и взором игуменьи женского монастыря, которая осуждающе созерцала нарушительниц общественного деревенского спокойствия.

Её взгляд мгновенно отрезвил участниц словесной потасовки, которые внезапно испытали приступ непонятной робости и – о, ужас! – полузабытого чувства стыда, которое, большинство из них, не помнило, по меньшей мере, со времени окончания своих «альма матер». Разом опомнившись, «акулы пера» ринулись к своим авто, искренне недоумевая по поводу столь странного коллективного помрачения рассудка. Наверняка, спешно запуская двигатель, каждая из них в этот момент думала, примерно, одно и то же: «Что за бес в меня вселился?! Не иначе, и в самом деле, тут замешана нечистая сила!..»

Когда сорвавшаяся с места калькавада иномарок, вздымая тучи пыли, скрылась за ближайшим поворотом, Марфа Ларентьевна внимательным взором Иосифа Виссарионовича окинула представителей советских СМИ. Те, разом вытянувшись перед ней по стойке «смирно», ловили каждое её слово. Рассудительно, с расстановкой, (не хватало только дымящейся трубки в руке), Гранитова изрекла:

– Вот, товарищи, живой пример ущербности и неполноценности эгоистично-частнособственнической системы буржуазного воспитания. Эта мысль красной нитью должна пройти через ваши информационные сообщения. Вы свободны, товарищи!..

… Следом за газетчиками и телевизионщиками, к Фёдору Колотушкину пожаловали и, с некоторых пор бурно расплодившиеся в Советском Союзе, специалисты по аномальным явлениям – экзорцисты, контринферналисты, охотники за привидениями и тому подобная братия. На следующий же день, после нашествия СМИ, ранним утром, подле поверженного нечистой холодильника, затормозили фасонистый чёрный «БМВ» и новенькие «Жигули» седьмой модели тёмно-синего цвета. Из иномарки неспешно выбрались четверо бородатых мужчин в дорогих джинсовых костюмах и каких-то замысловатых шляпах, наподобие чалмы с островерхим шутовским колпаком, на котором не хватало, разве что пушистых помпончиков и звонких бубенчиков. Они обступили холодильник и начали что-то важно обсуждать, многозначительно озирая окрестности.

Прибывшие на «семёрке», напротив, не стали терять времени, и, без лишних слов, с ходу приступили к делу. Крепкий, словно старый дуб старик, с запорожским чубом-оседлом и усами Тараса Бульбы, достал из багажника «семёрки» свежесрезанную ивовую рогульку с длинными концами. Держа её обеими руками развилкой к себе, дед пошёл вокруг дома, осторожно ступая по земле, словно по ненадёжному, тонкому ноябрьскому льду. Двое крепких парней с плечами высококлассных кулачных бойцов-удальцов, скорее всего, его ассистентов, шли следом. В тех местах, где торчащий вперёд конец рогульки начинал резко клониться вниз, старик кивком подзывал к себе кого-то из парней, и тот вбивал в указанное им место остро заточенный осиновый колышек. Замыкающая эту команду молодая женщина артистической наружности держала перед собой подвешенное на шёлковой нити золотое кольцо. Раскачивая его как маятник, она очерчивала вокруг колышков какие-то загадочные контуры длинной серебряной спицей.

Бородачи, понаблюдав за ними и, снисходительно усмехаясь, открыли багажник «бэхи», откуда извлекли какие-то блестящие штуковины, похожие на большую букву «П» из толстой, начищенной до зеркального блеска медной проволоки. Взявшись за перекладину «П» и, выставив свободные концы штуковин перед собой, бородачи без особых церемоний направились прямо в дом Колотушкина. Без стука войдя в горницу и, не обращая на хозяина никакого внимания, который в этот момент за обеденным столом уплетал жареную картошку, они начали обследовать стены, пол и потолок.

Впрочем, Федя Колотушкин, за минувшие дни привыкший к нескончаемому многолюдью, их тоже совершенно не замечал. А бородачи, перебрасываясь какими-то непонятными терминами, постепенно начали сходиться у посудной полки. Концы их, как они именовали, «эфирных вибраторов», почему-то старательно указывали именно на горку посуды. Когда гости сблизилась у полки, рамки их «вибраторов» внезапно, как бы сами по себе, завертелись против часовой стрелки.

Осмотрев тарелки и, достав одну из них, бородачи стали водить над ней руками, а также замысловатой медной спиралью, торчащей из какого-то занятного приборчика с разноцветными лампочками и стрелочным указателем, наподобие вольтметра. Причём, судя по реакции всей этой команды, результаты обследования тарелки гостей очень удивили.

– А вы не могли бы сказать, молодой человек, – наконец, обратился к Колотушкину старший из бородачей, – где вы приобрели эту посуду?

– Ну, так, где и все берут, – Фёдор ненадолго оторвался от завтрака. – Известное дело – в селпо.

– Та-а-а-к... – зловеще протянул, качая головой, старший бородач. – Вот в этой-то тарелке и таились все ваши беды, молодой человек! Она имеет мощное инфернальное поле. Если вы не возражаете, мы возьмём её с собой для дальнейших исследований.

– Да, берите! Жалко, что ли? – простецки ответил Фёдор, достав из банки малосольный огурчик. – Может, со мной перекусите? Картошечки жареной, с огурчиками... А хотите, сала отрежу?

Однако гости, поблагодарив за приглашение, вежливо отказались и, уложив тарелку в плоский контейнер из полированной нержавеющей стали, направились к выходу. Однако они едва успели отскочить в сторону, когда навстречу им, с торжествующим воплем, в дом, как девятибалльный ураган, влетел старик, потрясая над головой старой, банной мочалкой.

– Ну, что я говорил?! А?! – с ликованием восклицал он. – Вот она, эта зараза! Слушай, мил человек, у тебя такая раньше была?

Едва не поперхнувшись от столь решительного натиска, Колотушкин отрицательно крутил головой.

– Ага! – продолжал восторгаться старик. – Значит, точно! Это она и есть. Знаешь, где я её нашёл? Из-под крыши с тылу дома торчала. Это кто-то из ваших же, деревенских, тебе подпакостил. Наговорили, и подсунули. А ты – мучайся!

Прервав восторги деда, бородачи со сдержанными ухмылками возразили, что Феде – и впрямь, подсунули, но только не этот хлам, в котором вряд ли согласится обитать хоть один уважающий себя нечистый дух, а тарелку, которую некий чернокнижный злодей окропил, в соответствии с дьявольским ритуалом, смесью крови чёрной кошки и бурой свиньи. И вообще, они – учёные, а не какие-нибудь самодеятельные шарлатаны-кустари, и лучше знают, что к чему.

– Што-о-о-о?! – с безграничным возмущением в голосе возопил дед, сжимая здоровенные кулаки. – Это кой-то тут учёный? Это кой-то тут шарлатан?!

Тут же, как по команде, в дверях появились насупленные рукопашники, и бородачи, лишь завидев их крепкие плечи и мощные бицепсы, невольно попятнулись назад.

– Что вы понимаете в колдовстве, олухи научные?! – орал между тем дед, тыча им в лицо мочалкой. – Вы бы ещё удумали, остолопы, что она из космосу прилетела, тарелка эта ваша! Да я – потомственный волхв, если хотите знать! Мой предок самому князю киевскому Олегу предрёк кончину от коня. Ещё Александр Сергеич Пушкин про тот случай всё, как есть описал. Я этих бесов самых разных сортов за свою жисть целу дивизию разогнал!.. Поняли?..

– Прохор Макарович! – послышался взволнованный женский голос, и в горницу вбежала спутница старика, осторожно держа кончиками пальцев какой-то маленький изящный предмет. – Вот, женская заколка лежала под крыльцом. На ней – сильнейший наговор, даже руку сводит!

– Бросай на пол! – гаркнул старик и, достав из кармана чёрный платок, завернул в него опасную находку.

– Да, парень... – женщина сочувственно улыбнулась, глядя на Колотушкина. – Не знаю, кто и за что на тебя имеет зуб, но тут, прямо, как будто не меньше дюжины ведьм ворожило.

– Вот видите! – старший бородач многозначительно воздел к потолку указательный палец. – Эта находка только подтверждает тот факт, что inferнальные проявления данного объекта имеют множественный характер. Только, кому он мешает, этот молодой человек? Впрочем, не так уж трудно выяснить и это.

– Нам рассказывали, – обернувшись к Колотушкину, заговорил бородач с косматыми бровями, – что вы собираетесь стать фермером. А не могло ли именно это обстоятельство стать причиной недовольства вами районной партократии, и её местных прихлебателей? Ведь, нельзя исключать и того, что среди них могут оказаться специалисты по чёрной магии.

– Ух, эти партократы, ни дна им, ни покрышки! – тяжело вздохнул Прохор Макарович. – Сколько они мне крови попортили!

– Мы из-за них тоже через край хлебнули лиха, – с некоторой скорбью покачал головой самый младший из бородачей. – Нашу лабораторию закрывали не менее десяти раз!

– Ну, теперь живи спокойно, самое худшее у тебя позади, – женщина умиротворённо улыбнулась Феде. – Все колдовские заговоры сняты, чёрная магия нейтрализована.

– Да, да! – бородачи тоже расцвели радостными улыбками и пожали Фёдору руку. – Удачи вам и счастья!

– Так, это, люди добрые! – забеспокоился Колотушкин. – С меня-то, наверное, за ваши труды чего-то причитается! Ну, магарыч там, или наличкой? Ежели чего, так я...

– Ну, что вы! – старший бородач изобразил великодушный жест. – Считайте это нашим подарком!

– Живи, мил человек, и не бойся никакой бесовщины! – Прохор Макарович стиснул Федину руку железными тисками своей пятерни. – А ежели чего – зови нас. Мы мигом любого беса отсюда выставим!..

Колотушкин, разминая онемевшие пальцы, подумал о том, что дед при таких мускулах мог бы изгонять нечистую силу и без помощи магических прибабасов. А обе бригады изгнателей бесов, уже совершенно миролюбиво беседуя, пошли к своим машинам, попутно договариваясь о совместных акциях по борьбе со всякими потусторонними чёрными силами.

...Прошло ещё несколько дней, и взволнованная общественность, наконец-то, получила радостную весть о том, что под натиском белых магов и общественного мнения дрогнули и бесы, и бюрократы. Полтергейст, безобразничавший в доме Фёдора Колотушкина, присмирел, о чём было рассказано в новостных сообщениях на радио и ТВ, а также в газетах под громкими заголовками. Кроме того, новоиспечённый фермер наконец-то получил долгожданные гектары. Раскошелится и один из банков, выдав кредит, пусть и не в полной потребности, зато под божеские проценты.

Рискуя схлопотать на бюро райкома «строгача» с занесением в учётную карточку, сердобольный директор соседнего совхоза по символической цене продал Фёдору ещё восстановимый трактор и кое-какие агрегаты. Он уже давно присматривался к Фединым мытарствам, мучительно считая и прикидывая на досуге – а не податься ли и ему на вольные фермерские хлеба? Тем более, что при его теперешних возможностях, сразу же встать на ноги можно было гораздо быстрее и успешнее, чем этого мог добиться нищий бедолага Колотушкин.

...Казалось бы, после визита изгнателей бесов к будущему фермеру Феде тема чудес в Прошмыркине себя исчерпала полностью. Но не тут-то было! Полтергейст отчего-то не захотел бесследно исчезнуть – может быть, потому, что этот дух обладал общительной, компанейской натурой, и без общения с жителями села обойтись никак не мог? Как явствовало из дальнейших событий, он от Колотушкина перебрался к его соседям, во всей «красе» явив на их подворье свой бесшабашный, буйный норов.

Более того! Загадочные, необъяснимые с научных позиций явления как тараканы начали распространяться по всему селу. Скорее всего, полтергейст начал, как бы, размножаться – то ли почкованием, то ли простым делением, наподобие амёбы. Но, не исключено, что он нашёл себе молодую, симпатичную полтергейстиху, на пару с которой и начудесил всего за пару дней целую ораву полтергейстят. Впрочем, это навсегда осталось неразрешимой загадкой – даже выдавшие виды чертознаи, столкнувшись с подобным феноменом, лишь сконфуженно чесали затылок, да разводили руками.

Однако, как бы там ни было, но факт остаётся фактом: теперь уже в десятках сельских домов начали хозяйничать проказливые невидимки. Они рвали одежду, крушили мебель, приёмычники и телевизоры, вешали в сараях над стойлами животины пиковых тузов и дам, вытаптывали на колхозных посевах таинственные фигуры. А ещё «поллитер-гости» писали на стенах домов чем-то кроваво-красным скверные слова и непонятные иероглифы, наподобие египетских, по ночам ухали и выли на сельском кладбище и вытворяли массу иных, не менее загадочных бесчинств...

Всё более и более диковинные известия из Прошмыркина постепенно снова стали темой номер один всех мировых информагентств. Теперь ни одна уважающая себя газета не выходила без какого-либо сообщения об этой, совсем недавно заурядной, захолустной деревне. Мода «а-ля Колотушкин» внезапно стала повальной – по улицам западных столиц вышагивали модники в цветастых рубашках навывпуск, с большими старославянскими буквами поперёк спины – «ПРОШМЫРКИНО». Лица многих сельчан, без конца мелькающие на телеэкранах, стали не менее узнаваемыми, нежели лица известных политиков и голливудских кинозвёзд. Вокруг деревни, оккупированной нечистой силой и, одновременно, разноязыкой ордой журналистов, начался чуть ли не вселенский ажиотаж.

Колхозное общежитие, в котором обычно жили студенты, приезжавшие на уборку урожая, теперь было переполнено публикой совсем иного рода. В нём, как семечек в арбузе, было с избытком всякого рода специалистов по аномальным явлениям – экстрасенсов, курских, воронежских и всяких иных колдунов, астрологов, знахарей, а также среднеазиатских табибов. Из Сибири и европейского Заполярья прибыло более десятка знаменитых шаманов. Откуда-то даже появился тип неопределённого гражданства, объявивший себя австралийским виринуном – магом племени тамошних аборигенов.

Не знающие покоя журналисты денно и ночью охотились за сенсациями, и спешно готовили материалы для своих изданий. Для этого премудрые японцы ухитрились даже наладить прямую связь между Прошмыркиным и Токио. Международные научные центры без конца «бомбили» Москву запросами о предоставлении въезда их исследовательским группам. Особенно усердствовали британцы, общепризнанные спецы по части замковых привидений, гномов, эльфов и фей. Не отставали от них и норвежцы, как земляки троллей и гоблинов. Но Москва по своей старой традиции прикинулась глуховатой, и на запросы: «Когда же нас пустят в Прошмыркино?», отвечала: «Да, не знаю я никакого Нашатыркино... Ах, вас интересует Просвиркино? Так туда – милости прошу!»

А вся суть заморочек с «глухотой» заключалась в том, что общесоюзная Академия Наук, с изрядным запозданием наконец-то осознав, что в деле изучения отечественного феномена она, как всегда, оказалась в хвосте, спешно начала готовить большую экспедицию в Хрюндюковский район Дуболововой области. Этому предшествовало большое совещание президиума АН с участием представителей ЦК, которые дали идеологические установки на весь цикл исследований прошмыркинской аномалии. Было чётко и однозначно определено, что любые, внешне – самые мистические факты непознанных явлений, должны были получить однозначно материалистическое обоснование с точки зрения диалектического материализма марксистско-ленинской философии, в духе решений последнего съезда и пленумов ЦК.

И вновь дрогнули дуболобовские и хрюндюковские бюрократы. Как бы в оправдание многолетних заверений и обещаний, из райцентра в сторону Прошмыркина началось строительство асфальтированного шоссе, нашлись и трубы для прокладки газопровода – давней мечты селян, ныне претерпевающих аномальный катаклизм. А в самом селе наконец-то подлатали, приведя в божеский вид водонапорную башню, восстановили уличные магистрали водопроводов и водоразборные колонки.

Впрочем, неприятности, причиняемые селянам полтергейстами, положив руку на сердце, можно было бы назвать лишь относительно бедственными. Те же журналисты уже давно заметили, что тутошняя нечистая сила ведёт себя как-то странновато. Бесы охотно колотили старые, испорченные радиоприёмники и телевизоры, отчего-то пренебрегая новой бытовой техникой. Они азартно ломали уже отжившую своё мебель, не обращая внимания на только что купленную. А фигуры вытаптывали преимущественно на тех полях, где, в основном, произрастали лебеда и осот...

Однако к подобным странностям корреспондентская братия особо и не придиралась – кто их разберёт, этих загадочных духов, к тому же, российского происхождения? Может,

это заложено в основе их полтергейстской психологии? Да и вообще, чего придирается-то? Живёшь на природе, причём, получая великолепные командировочные и не менее крупные гонорары, совершенно не испытывая необходимости бегать за сенсациями – те и сами находят снимающих и пишущих на каждом шагу... Ну и к чему умничать не по делу, собственной рукой руша это райское житьё?

...А что же Федя Колотушкин? Постепенно он оказался «в тени» и его понемногу начали забывать. За прошедшие дни появилось много новых героев репортажей и новелл, которые ещё не успели примелькаться и приестся капризному западному зрителю. Однако забыли Федю далеко не все. Немало было и тех, кто о нём помнил. Недавняя громкая слава сыграла свою роль, и к Колотушкину продолжали время от времени наведываться самые разные визитёры. Да и корреспонденции на его адрес приходило предостаточно. Причём, самых разных цветов политического и начного спектра.

Первыми дали знать о себе «зелёные». Разумеется, не те «зелёные», что в годы гражданской войны призывали «бить белых, пока не покраснеют, бить красных, пока не побелеют», а современные, которые если и воюют, то (вроде бы!) только за здоровую экологию. Просматривая содержимое толстого пакета, содержащего в себе уйму инструкций, наставлений, рекомендаций, советов, а также научных статей о вреде всевозможных химикатов для экологичного земледелия, Фёдор обнаружил в нём также и адресованное лично ему письмо «зелёных». Те слёзно умоляли Колотушкина уничтожить все имеющиеся в его распоряжении пестициды и минеральные удобрения, дабы ни одна щепотка химического зла не осквернила структуру благородного гумуса. По прочтении этого послания Колотушкин лишь недоумённо пожал плечами. Он бы, может быть, и рискнул бы выполнить просьбу этих, несомненно, хороших людей, но... Уничтожать-то ему, при всём желании, было нечего – ни пестицидов, ни удобрений, ни солянки.

Новоявленные анархисты – идейные наследники Кропоткина и Бакунина, узнав из прессы о героической борьбе Феде с бюрократами из властных структур, восприняли данный факт как реальное, хотя и стихийное, торжество бессмертных идей анархизма, воскресшего в гуще народной. В знак солидарности с отважным фермером, а также в качестве моральной поддержки его анархических настроений, они вручили Колотушкину чёрное знамя с нарисованным на нём пиратским «Весёлым Роджером» и знаменитым девизом «Анархия – мать порядка».

Из далёких Штатов пришла бандероль от бывшего участника Белого движения, отставного хорунжего Войска Донского Афанасия Каурого. Узнав из телепередачи Би-Си-Эс о том, что мать Фёдора Колотушкина корнями происходит из донских казаков, причём, во девичестве была тоже Каурая, престарелый белогвардеец не поленился сесть за письмо. В своём послании, мешая воедино старорусские и новоанглийские слова, Афанасий Каурый написал своему, возможно даже, родственнику о том, что гордится им и молится за его грядущие успехи. К письму была приложена фотография автора письма со всеми его регалиями и дарственной подписью, а также родовые реликвии – чудотворная иконка Георгия Победоносца и большой нательный серебряный крест.

Новоиспечённая ассоциация магов и колдунов, в лице её главы Прохора Макаровича, презентовала Феде фиолетовую шёлковую ладанку с амулетом, способным оберегать от сглаза, изгонять бесов, а также повышать урожайность ржи, гороха и капусты.

Среди корреспонденции как-то раз обнаружился и тошенький голубой конвертик, украшенный изображениями сердец с пронзающими их стрелами Амура. Колотушкину как-то сразу не понравились ни конверт, ни сердца (какие обычно рисуют на картах червонной масти). В данном случае эти изображения органа романтической любви отчего-то ему больше напоминали не сердце, а профиль седалища. В своём послании недавно образованная конфедерация свободных геев и независимых лесбиянок призывала Федю, как выдающуюся прогрессивную

личность, использовать свою популярность для защиты вопиюще поправленных прав секс-меньшинств. Например, в плане поддержки им организации и проведения гей-парадов. Кроме того, учитывая его семейный (вернее, бессемейный) статус «засидевшегося» в холостяках (что, по мнению «однополых», таило под собой некие особые причины), Колотушкину было сделано весьма пикантное предложение. Как считали «нетрадиционалы», Фёдор был достоин занять пост почётного сопредседателя областного отделения их конфедерации.

Трудно сказать, насколько это «заманчивое» предложение прельстило Федю, но только после этого случая все без исключения конверты, даже с намёком на голубой оттенок, он просил вскрывать и прочитывать соседа, колхозного токаря Димку. Тот, будучи завзятым хохмачём, приколыщиком и, просто, шутком гороховым без каких-либо комплексов, мог бы прочесть даже собственный смертный приговор со смехом и прибаутками. Читая даже самое серьёзное из посланий, Димка без конца язвил и ухохатывался...

Прошмыркинские чудеса не оставили равнодушными и политически бесцветные, предпочитающие оставаться «в тени», но, в то же время, очень даже не хилые структуры. На «тайном» (для одной лишь милиции и прокуратуры) кустовом сходняке, который ясным днём состоялся в ресторане «Златой телец» (что в двух шагах от райкома партии и минуте ходьбы от райотдела милиции) рэкетеры, движимые филантропически-альтруистическими настроениями единогласно порешили вычеркнуть фермера Колотушкина из перспективного плана налётов и наездов на текущую пятилетку. Да и какой резон его трясти, если гол, как сокол?

Письмо невесть откуда вынырнувших «коричневых» не имело обратного адреса, зато было обильно оснащено изображениями свастики, виселиц, плетей и топоров на плахе. Доморощенные «наци» в форме прямой и однозначной, как пинок кованого сапога, потребовали от Фёдора немедленно включиться в процесс установления на территории всея Советского Союза «нойе орднунга» и власти их фюреров, истинных арийцев Кривохренова и Дурошлёпова-Пупужаева. В противном случае представители «нордической расы» обещали Колотушкину сразу же после их скорого прихода к власти близкое знакомство с одним из карательных предметов, каковые они взяли на себя труд изобразить. Читая письмо, Федя силился прикинуть – это сколько же классов и с какими оценками закончил его автор, если даже в своём фирменном нацистском приветствии с «хайлем» сделал аж с пять ошибок?!!

Златоглавая церковь в лице пастыря душ мирских отца Артемия, не дождавшись призывного гласа раба Божия Фёдора, решила сама навестить чадо своё возлюбленное, всё ещё не вышедшее из тьмы бесовского атеизма. В знойный полуденный час к белому домику с позеленелой шиферной крышей подкатил, умиротворённо урча мотором, старенький, пегий «Москвич». Раб Божий Фёдор в этот момент, отчаянно матерясь и, костеря на чём свет стоит советское машиностроение, менял у трактора очень некстати треснувший подшипник.

Выйдя из машины, отец Артемий размахисто осенил бездыханную технику крестным знаменем, и уже хотел, было, памятуя своё недавнее инженерское прошлое, засучить рукава рясы, дабы оказать практическое содействие страждущему земледельцу. Но именно в этот момент упрямая железяка, как бы, повинувшись силе священного символа, наконец-то дрогнула под очередным ударом молотка, и ещё через минуту ремонт был благополучно закончен.

Благословив вольного хлебопашца, отец Артемий засим окропил святой водой углы его дома, дабы изгнать затаившегося в них диавола. Впрочем, следовало предполагать, что сие действие в некотором роде оказалось дежурной формальностью, ибо икона Георгия Победоносца, которой был отведён в доме традиционный «красный» угол, уже давно, оперативно и качественно выполнила эту архиважную бесогонную миссию.

Далее, между о. Артемием и р.Б. Фёдором состоялась душеспасительная беседа. Начав с тезиса о важности всемерного укрепления устоев веры Православной в среде селян, собеседники постепенно, как-то незаметно, отклонились на более мирские темы. В ходе их разговора всплыл весьма занимательный факт. Оказалось, что в свою студенческую бытность о.

Артемий (некогда – просто, Артём) имел удовольствие трудиться на производственной практике в Прошмыркине. А когда доподлинно точно выяснилось, что они с Феей даже немного знакомы, поскольку оба любили посещать танцы в местном клубе, разговор немедленно перешёл в лирико-ностальгическое русло. Это послужило поводом к обоюдному решению «причиститься» во здравие и за упокой общих знакомых.

В тот же час местная, общепризнанная самогонных дел мастерица бабка Акулина (за безбожные цены на первач в определённых кругах именуемая «Акулой»), прослышав о прибытии в деревню духовного лица, опроретью поскакала к усадьбе Колотушкина. Ещё на дольных подступах к дому она услышала доносящееся из окна стройное хоровое пение. Акулина тут же смекнула, что батюшка у Феи правит молебен. Перейдя на степенный шаг, со смиренным видом она направилась к дверям, жажда удостоиться батюшкина благословения и отпущения грехов, поднакопившихся за истекший квартал.

Но, лишь шагнув в сени, Акулина сразу же поняла, что совершенно напрасно в такую жару дегустировала свою продукцию, из-за чего её, и без того туговатый слух, не уловил мотива и смысла исполняемого «хорала». Пели-то, и впрямь, стройно и задушевно, только нечто, совсем не похожее на благопристойное «Иже херувимы»:

– ...Вспоминай, коли дру-гая-а-а-а, друга ми-и-ло-ва-а лю-бя-а-а-а-а, будет песни петь играя на коле-е-нях у-у те-бя-а-а-а-а...

– Тьфу, прости Господи! – всплеснула руками остолбеневшая старуха. – Ох, силён! Ох, силён враг рода человеческого, бес окаянный. Ужо и батюшку, гляди-ко попутал...

Приблизительно это же самое, полчаса спустя, прижимая руки к сердцу, отец Артемий объяснял инспектору ГАИ. Но лейтенант был суров и непреклонен. Игнорируя ссылки батюшки на Священное Писание и Заповеди Божии, он приводил свои – на ПДД и КоАП, в соответствии с которыми стоял вопрос об изъятии водительских прав и иных, не менее грустных последствиях. Однако когда инспектор узнал, куда и к кому ездил батюшка, то, немного поколебавшись, всё же, сменил гнев на милость (блин, как можно наказывать человека, побывавшего на территории, где нечисти – как снега зимой?!). Поэтому он ограничился лишь строгим внушением о пагубности дружбы с «зелёным змием», особенно, при управлении транспортным средством.

Этот акт милосердия столь растрогал о. Артемия, что он тут же, на месте, оптом отпустил добродетельному стражу дорожного порядка все былые и будущие грехи, в довершение, окропив святой водой служебный мотоцикл, полосатый жезл и даже кобуру с пистолетом. Но на первом же перекрёстке, трезво полагая, что «бережёного – Бог бережёт», свернул на просёлок, и добирался до дому окольными, травянистыми полевыми дорогами.

Лишь одно ведомство, осенённое красным, «серпасто-молоткастым» стягом, было сдержанно и молчаливо. Оно без особого энтузиазма взирало на происходящее в стране, внутренне не очень приветствуя «отпускание вожжей», но внешне всячески позиционируя себя как автора и авангарда перемен. Немалое число его функционеров-партократов, наблюдая за муравьиной вознёй низов, наивно вообразивших, что им и в самом деле кто-то даст настоящую свободу, терпеливо дожидалось того момента, когда «перебесившиеся» массы наконец-то остынут от перестроечной эйфории. Когда они вновь послушно заполнят привычные стойла колхозно-совхозной системы, и жизнь вернётся на круги своя. Оседлавшие высшую власть в стране «перестройщики» и «ускорители», из чиста тех же самых партфункционеров, оказались, во многом, не готовы к взятой на себя роли лидеров. Творя и вытворяя всевозможные «преобразования», они уподобились самонадеянному неумехе, который, кое-как освоив самокат, поспешил сесть за руль тяжёлого грузовика и нажал на газ, пустив машину под уклон. И она покатила! Кувырком...

Впрочем... Несмотря на массу неурядиц и откровенных провалов, несмотря на уйму дуровщины, творимой как центре, так и на местах, к удивлению райкомовских «сидельцев»,

большинство населения всё равно никак не хотело возврата к прежнему, строго дозированному, когда на всё существовали разрядки, пайки, лимиты, и бесконечные очереди.

Известие о том, что кандидат в кулаки-мироеды Фёдор Колотушкин не только не прогорел, но даже с соблюдением всех нюансов агротехники отсёлся раньше и лучше общепризнанных районных корифеев, взбудоражило хрюндюковский райком сверху донизу. На срочном расширенном заседании бюро партактив к данному факту решил отнестись со всей серьёзностью и ответственностью. Райкомовцы единогласно утвердили план организационных и массово-политических мероприятий, направленных на усиление идеологического влияния в среде малосознательных элементов.

Поскольку дурной пример Колотушкина мог оказаться заразительным и разрушительным (пагубным фермерским духом уже ощутимо потянуло по всему району) было признано, что он нуждается в идеологическом разоблачении. По мнению первого секретаря райкома Рубакина в Прошмыркино, названное им «логовом контрреволюции», следовало направить опытного партработника. Тому надлежало объективно выявить и изучить все обстоятельства, подвигшие незрелую личность бывшего колхозника в русло мелкобуржуазного перерожденчества.

Кандидатуру парторга прошмыркинской «первички» Аврорского (кстати, одного из основных клиентов Акулы) отменили без обсуждения, поскольку «первый» давно уже вынес свой приговор: «Из него такой же партийный лидер, как из меня – папа римский». К большому сожалению райкомовцев, такая ценная кандидатура как Марфа Лаврентьевна Гранитова в данное время отсутствовала по причине весьма уважительной. Как выдающегося педагога, воспитавшего замечательных, смелых парней, отважно вступивших в контакт с инопланетянами, её пригласили на работу в ОБЛОНО на должность – то ли зама, то ли пома. Поэтому на должность, так сказать, комиссара по работе с нео-кулачеством, утвердили инструктора идеологического отдела Нескучаеву.

Антонина Константиновна, несмотря на молодость – всего полгода назад она была заведомо райкома комсомола – слыла закалённым бойцом идеологического фронта. Подобно Марфе Лаврентьевне, она тоже, в известной мере, являла собой ходячую легенду. Её чёрную, комиссарскую кожанку узнавали за версту. Злые языки поговаривали, что Нескучаева не снимает её даже ночью, при всём том, что никто не мог сказать уверенно – а спит ли она вообще? Тем более, с кем-то? (Впрочем, при её репутации материализовавшейся из прошлого свирепой амазонки, это было, в значительной мере, исключено).

«Пожалуй, за ней, пожалуй, поухаживаешь, за этой злыдней чёртовой! – втихаря шушукались меж собой признанные райкомовские донжуаны. – Как бы чего-нибудь не оторвала неподходящего или когтями не изодрала в клочья, эта тигра лютая!»

Огненно-красная «Ява» Нескучаевой наводила ужас на взяточников и бюрократов, поскольку Антонина имела обыкновение появляться в самый неподходящий момент.

Рассказывали, как однажды, без уведомления, войдя в кабинет некоего большого строительного начальника, она застала того за получением толстой пачки крупных купюр из рук бригадира шабашников. То, что было дальше, напоминало кадр из фильмов Альфреда Хичкока. Вскипев от негодования, Нескучаева так грохнула хозяина кабинета по макушке подвернувшимся под руку проводным телефоном, что бедный строитель коммунизма потом целых две недели не мог брать взятки. А ещё был случай в ГОРОНО... О-о-о! Там было такое!.. Впрочем, уже предыдущего примера достаточно, чтобы можно было понять – лучшую кандидатуру комиссара для работы с кулачеством райкому, и в самом деле, едва ли можно было бы найти.

* * *

Глава 3

*в которой комиссарша Тоня героически «перековывает»
«зablудшего мироеда» Колотушкина*

Направляясь в Прошмыркино, Антонина чувствовала себя активисткой памятных двадцатых годов, засылаемой во враждебное кулацкое гнездо. Когда она подрулила на «Яве» к аккуратному штaketнику, окружающему притаившееся в тени огромной липы «логово контрреволюции», то очень пожалела, что в кармане её кожанки нет хотя бы заваливающего нагана. Лишь перешагнув порог «логова» и, окинув взглядом интерьер горницы, она сразу же поняла, что политическое чутьё её не подвело и на сей раз. Прямо с порога ей в глаза бросился предмет религиозного культа – икона, являющая собой изображение некоего кавалериста, который пронзал своим копьём поверженное пресмыкающееся. Рядом с иконой красовался портрет грозного старца с седыми усами, в казачьей папахе, черкеске, при сабле и георгиевских крестах. «Белогвардеец – не иначе!» – молнией пронеслось в голове Тони. Из другого угла с полотнища чёрного (не махновского ли?!) знамени на неё скалился череп со скрещенными костями и девизом анархистов.

На шее хозяина, не бритого, по меньшей мере, месяц, болтался массивный серебряный крест. Для полноты картины не хватало только ведёрной сулеи самогона, граммофона, исполняющего «Боже, царя храни!» и обреза трёхлинейной винтовки.

Заметив у порога незваную гостью, Фёдор, бегая между печью и столом, ничего по этому поводу не сказал, только как-то непонятно хмыкнул. А на гордое «здрасьте...» визитёрши, достойное Овода, стоящего на расстреле, лишь молча мотнул головой. Тем не менее, обрез из-за косяка, доставать не стал, а всё также молча указал Нескучаевой на табуретку рядом со столом.

Стол на глазах быстро украсился наваристыми щами и другой, не менее аппетитно пахнущей снедью. И только тут Антонина вспомнила, что сегодня с утра вообще ничего не ела, за исключением крохотного бутербродика и стакана чая, выпитого в райкомовском буфете. Глядя на стол, она вдруг почувствовала, как нестерпимо засосало под ложечкой. Но в ней тут же проснулось её идеологическое самосознание, которое категорично запротестовало: «Ты что, с ума сошла? Ты забыла к кому и зачем приехала? Неужели ты сядешь за один стол с классовым врагом?! Позор!!!» Но в комиссарше Тоне тут же проснулось и другое «я», обычное, житейское, которое деловито рассудило: «Сядь и поешь, дурёха! Ты что, мечтаешь заработать язву желудка? Давай, давай, не выпендривайся!..»

Колотушкин, оглянувшись и, увидев, что его странная гостья стоит вкопанным столбом, не сдвинувшись и на миллиметр, подошёл к ней и, взяв за руку, усадил на табурет, после чего сунул в руку алюминиевую ложку.

– Ешь! – сердито приказал он.

Будучи наслышанной, что сумасшедшим лучше не перечить, и тогда они ведут себя миролюбиво (а в том, что Колотушкин «тронутый» Нескучаева не сомневалась и минуты – может ли в здравом уме человек пролетарского происхождения податься в мироеды?!) она зачерпнула щей из расписной, глиняной миски. Опасливо поглядывая на огромный нож, имеваемый в деревнях «свинорезом», которым кулак Колотушкин нарезал ломтями хлеб, Тоня отважилась попробовать содержимое ложки. К её величайшему удивлению, ни стрихнина ни цианистого калия в щях не оказалось! А вот сами-то щи оказались на редкость вкусными.

Уже не думая о каких-либо идеологических издержках, Нескучаева с неожиданной для себя энергией приступила к еде. Чтобы хоть как-то завязать разговор и, тем самым начать идеологическую работу, Антонина похвалила кулинарные таланты Фединой супруги. Однако

реакция хозяина на её слова была несколько неожиданной. Фёдор насупился, как грозовая туча, и коротко буркнул, что женат отродясь не был.

– ...А на ком жениться? На бабке Василисе, что ли? – саркастично поморщился он. – Наши невесты по городам за весёлой жизнью разбежались. Сама-то, небось, деревенская? О-о-о! Тогда – чего и спрашивать?

Желая как-нибудь сгладить возникшую неловкость, Тоня попыталась обернуть сказанное в шутку:

– Ну, раз нет деревенских – брал бы городскую.

– Городскую... – растирая на щеках сантиметровую щетину, Фёдор невесело усмехнулся. – Да городских в нашу грязь палкой не загонишь. Это одно. Так её ещё надо поехать сыскать где-нибудь. А когда? Я уже лет восемь из трактора не вылезаю, без выходных и отпусков...

Слушая его, Антонина почувствовала: вот он, подходящий момент, чтобы перейти к вопросам о причинах дезертирства Колотушкина из рядов честных колхозных тружеников в контрреволюционные кулацкие элементы. Но он сам опередил все её вопросы, рассказав о своём конфликте с председателем колхоза. Слушая его, Нескучаева была ошеломлена этим повествованием.

«Как же так?! – думала она, слушая Фёдю. – Неужели Неронов способен на столь бесовское издевательство над людьми? Внешне – такой интеллигентный, отзывчивый... С какими пламенными речами постоянно выступает на партхозактивах! Всегда так много говорит о том, как заботится о своих людях. А на деле-то, оказывается, он – хам, жулик и бюрократ!..»

И тут она снова пожалела, что у неё нет нагана.

– Да за это, – стукнув ложкой по столу, вскипела Антонина, – Надо к стенке – без суда и следствия!!!

– Ну, ты даёшь! – Фёдор громко рассмеялся. – Если всему нашему начальству воздавать строго по «заслугам», то у нас и в районе, и во всей области мало кого к стенке ставить не придётся. Ты, прямо, как с луны свалилась! Вон, возьми Хапкина, преда колхоза «Вперёд к достижениям». Да весь район знает, что он в прошлом году пол-урожая пустил «налево», а деньги себе в карман положил. Ну, понятное дело, с «кем надо» поделился. И каждый год он так делает. Возьми Макашкина – директора совхоза «Правда». Этот себе уже вторую виллу под боком у областного начальства строит. Оно, что, ничего этого не видит? Примеры ещё нужны? Кстати, ты из каковских будешь-то?

– В смысле? – несколько растерялась Антонина.

– Ну, из магов, там, или журналистов? – подвигая ей тарелку с жарким, поинтересовался Колотушкин. – У меня тут, почитай, через день гости бывают. Вот, на днях, приезжали двое из областного Союза пожизненных холостяков, называется «Кремень». Предлагали к ним записаться, мол, раз уж до тридцати с бабьём не связался – нечего и связываться. Давай к нам!

– Ну а ты? – Тоня с любопытством взглянула на своего собеседника. – Согласился?

– Ага, прямо так к ним и поспешил! – Фёдор иронично усмехнулся. – Дурью они маются – что тут ещё скажешь? А сегодня утром была целая команда этих... Как их? Фелимисток, что ли? – наморщив лоб, попытался припомнить он.

– Может быть, феминисток? – подсказала Нескучаева.

– Во-во! Они самые. Привезли сюда своё молодое пополнение, чтобы показать на деле, что мужики, по своей сути – бездельники, бичи, бомжи, грязные отбросы. Ну, зашли ко мне, огляделись, потоптались... Как видно, поняли, что в наглядные пособия я не гожусь, развернулись, и – ходу! Обломила у них агитация... Вот я и подумал, что ты тоже из этой их «Синей розы».

Помявшись, Антонина сказала первое, что ей пришло на ум:

– Нет, я... Я из... Из «Красной гвоздики» – придумала она на ходу.

– А это что за шарашка? – недоумённо воззрился Колотушкин.

– Это... Это, как бы, движение за всеобщую справедливость, – продолжая фантазировать, дала пояснение Тоня. – Просто, хотела узнать: как тут у вас насчёт справедливости?

Она пока что решила не говорить, кем является на самом деле, и для чего приехала в Прошмыркино – об этом сказать никогда не поздно. А то... Кто его знает, как этот, в общем-то, нормальный сельчанин, который оказался и понимающим, и гостеприимным, отреагирует, услышав, что его гостя – сотрудница райкома партии? В ходе разговора Антонина тонко намекнула Фёдору, что была бы не против приехать к нему как-нибудь ещё раз. С ходу уловив суть намёка, Колотушкин тут же уведомил, что он, в общем-то, возражать не стал бы абсолютно.

Уезжая из Прошмыркина, Антонина в дороге осмысливала итоги своего первого визита. «Страшный мироед» Колотушкин таковым больше уже не казался. А если бы его ещё и побрить, да приодеть попримечнее... Был бы парень – о-го-го! Впрочем, это уже не по её части. Нет, нет, нет! Её задача совсем другая. Она должна стать для него, своего рода, духовным наставником. Ей нужно переломить в сознании совсем ещё недавно добропорядочного колхозника пагубные, про-кулацкие настроения, намерение стать единоличником. И эту задачу ей следует выполнить с честью! Пусть он не знает, кто она на самом деле. Пусть! Но под её ненавязчивым, товарищеским воздействием, Фёдор должен будет не только отречься от своих опрометчивых намерений стать фермером, а ещё и принять решение добровольно вернуться в лоно безмятежно-счастливой колхозной жизни. Правда, сначала придётся как следует «прополоскать» на бюро Неронова за его нечистоплотные проделки.

«Первый», которому Тоня обрисовала итоги своего первого визита в самых оптимистичных тонах, весьма положительно оценил её работу и порекомендовал активнее двигаться в избранном направлении.

– ...Хорошо было бы, ежели бы он не только от своего фермерства отрёкся, но об этом ещё и сообщил в нашей районке. Вроде, как бы, покаялся, чтоб весь район об этом знал! – директивно утыкал он пальцем в потолок кабинета, даже не подозревая о том, как скоро каяться придётся ему самому.

И именно по причине того, что «душеспасительницей» Колотушкина он назначил Антонину. Энергичное повествование Нескучаевой о чрезвычайно некрасивых поступках Неронова, о его нечистоплотности и хамстве, он прервал не менее энергичным хлопком ладони по столу.

– Тоня, ты под кого это вознамерилась копать? – строго прищурился Рубакин, измерив взглядом Нескучаеву. – Ты запомни, что Неронов – это фигура. Один из наших правофланговых коммунистического строительства на селе. Соображаешь? Так сказать, маяк, на которого все должны равняться. И с чего это видно, что именно он виноват? Кто ведёт учёт рабочего времени и вспаханных гектаров? Правильно, учётчица. Вот с неё мы и спросим!

Одолеваемая противоречивыми чувствами, Антонина покинула начальственный кабинет. Ей очень не понравилось то, как первый секретарь «перевёл стрелки» с Неронова на простую учётчицу, которая, якобы, виновна в махинациях с учётом трудодней. Из-за этого в душе она ощутила какой-то неприятный внутренний раздрай. Однако усилием воли Нескучаева подавила в себе негативные настроения, стараясь думать только о том, как высоко «первый» оценил начало её работы в Прошмыркине. Поэтому, окрылённая доверием старших товарищей, она с жаром продолжила порученную ей миссию.

Обещанное ею Колотушкину приехать «как-нибудь ещё» наступило уже на следующий день. Едва из-за горизонта показался тонкий, красноватый край солнца, у Фединой калитки, басовито урча мотором и, тонко пискнув тормозами, остановился мотоцикл. Колотушкин выглянул из-под трактора, и сразу же узнал вчерашнюю «Яву» и её хозяйку. Войдя во двор,

Антонина поздоровалась с ним как со старым знакомым и поинтересовалась, чем он сейчас занят.

Колотушкин, ничем не выдавая своего удивления столь ранним визитом, к её удовольствию охотно ответил на все заданные вопросы, показав себя очень занятым, к тому же, остроумным собеседником. Его вчерашней угрюмости как не бывало. Под звяканье гаечных ключей они долго беседовали о преимуществах и недостатках различных систем земледелия. Антонину, пару лет назад закончившую агрофак сельхозинститута, эрудированность Фёдора по самому широкому кругу хозяйственных вопросов очень удивила. Она даже спросила, когда и какой институт он заканчивал.

Колотушкин рассмеялся и пояснил, что десять лет круглосуточной работы в поле стоят академии. Когда же он, наконец-то, закончил ремонт и выбрался из-под своего «Волгаря», Нескучаева сразу же отметила, что её, так сказать, подопечный со вчерашнего дня разительно переменялся. Щетина на лице была тщательно сбрита, синий рабочий комбинезон старательно отстиран и наутюжен. Холодноватый утренний ветерок разносил приятный, терпкий запах «Шипра».

«Ага! – внутренне возликовала Нескучаева. – Наш вчерашний разговор уже начал давать свои плоды. Видимо, Колотушкин, всё же, задумался о пагубности своего фермерства и, в качестве первого шага, решил расстаться со своей кулацкой щетиной!».

Присев на лавочку под развесистой вишней, густо усеянной ещё зелёными завязями, Антонина завела разговор о том, что все ли правильно понимают сущность справедливости. Вот, например, Федя ушёл из колхоза. Да, с ним там поступили несправедливо. Но ведь и он, уйдя из сельхозартели, вольно или невольно, вынудил оставшихся в бригаде тянуть куда более тяжёлую лямку. Можно ли это считать справедливым по отношению к ним?..

Нескучаева очень опасалась, что Колотушкин, почуяв в её словах какой-то подвох, сразу же оборвёт разговор и укажет ей на дверь. Но тот к философствованиям гостыи отнёсся очень даже доброжелательно, и ничуть не стал критиковать высказанные ею (если сказать по совести, очень уж шаткие) доводы. Ободрённая его дружелюбием, Антонина достала из сумки целую кипу пропагандистских материалов. Тут была свежая пресса, с публикациями об успехах в деле строительства «социализма с человеческим лицом», а так же повествованиями об очередном «прорабе перестройки», который в рамках колхозно-совхозной системы достиг небывалых результатов. Были и брошюры общества «Знание», с идеологически выверенными предложениями по интенсификации сельхозпроизводства.

При виде этой бумажной агитации Федя несколько поскучнел. Но, тем не менее, к внутреннему восторгу Антонины, вежливо перелистал предложенные ему газеты и брошюры, особо обратив внимание на статьи и абзацы, отмеченные ею красным карандашом. Пообещав, что всё это он сегодня же прочтёт, Колотушкин неожиданно предложил зайти в дом, чтоб от души «ударить по чаям». Но его гостыя, вежливо поблагодарив, пояснила, что должна ехать и к другим, кто нуждается в моральной поддержке их общества «Красная гвоздика».

– ...Понимаешь, Фёдор, – уже собираясь уезжать, напоследок добавила Тоня, – нас очень беспокоит: удастся ли тебе добиться намеченного? Справедливо ли будет, если в итоге всех своих трудов ты вдруг окажешься ни с чем? Верно? Да, в колхозе недостатков хватает. Но там, в любом случае, ты не остаёшься без ничего, даже приключись неурожай. Поэтому всецело уважая твой выбор, мы, пойми нас правильно, в большей степени, за коллективные формы труда.

– Ну, так, что ж не понять-то?! – энергично закивал Колотушкин. – Точнее, прямо ведь и не скажешь! Я и сам теперь почти уже так тоже думаю! Да-а!..

– Знаешь, боюсь показаться тебе надоедливой... – как бы, размышляя вслух, уже у калитки заговорила Нескучаева. – Приезжаю, наверное, не вовремя, отрываю тебя от дел...

Однако вышедший проводить гостыю Фёдор, мгновенно поняв суть её мысли, перебил:

– Тонь! Да, брось ты! Когда и в чём ты мне мешала? Да, когда захочешь – тогда и приезжай. Хоть десять раз на день. Ты знаешь, я теперь так настроился на полную справедливость, что и слов не нахожу. Точно, точно! Даёшь, справедливость! – воздел он крепко сжатый кулак. – Рот фронт! Но пасаран!

Услышанное столь воодушевило Антонину, что она вдруг подумала – а не приехать ли сюда и в самом деле во второй половине дня? Но, припомнив, сколько у неё всяких иных поручений и нагрузок, поняла, что разорваться никак не успеет. В самом деле! Сегодня нужно будет поучаствовать в районном слёте филателистов, нужно будет выступить на районном совещании профсоюзников, потом в нескольких школах обсудить моральный облик комсомольца, в свете решений последнего пленума ЦК, обязавшего молодёжь активнее участвовать в перестроечных процессах... И хотя она сама толком не представляла, что конкретно могла бы во имя перестройки делать эта самая молодёжь, тем не менее, заранее настраивалась не менее чем на полуторачасовую речь... Там главное – что? Выйти на трибуну и начать выступление, а потом – неси всё, что на ум идёт. Слушать-то всё равно никто не будет. Кто-то сразу же задремлет, кто-то будет читать «забугорный» детектив, а кто-то – травить с соседями анекдоты.

Прыгая на ухабах в седле «Явы», Антонина с удовольствием предвкушала момент доклада «первому» о первых, реальных шагах в деле идеологического перевоспитания мироеда Колотушкина. И предчувствия её не обманули. Правда, Рубакина на месте не оказалось – спозаранок он уехал на бюро обкома «получать кренделей» за избыточное число осечек и проколов в работе райкома. Однако и второй секретарь Канарейкин оценил итоги поездок Нескучаевой в Прошмыркино в чрезвычайно лестных тонах.

Стоило бы отметить, «второй» даже внешне был прямой противоположностью «первого» – прямоватого, грубоватого и, как язвили недруги, «мужиковатого». Рубакин носил мешковатые ширпотребовские костюмы, курил «Беломор» и жил строго по партийному уставу. Поговаривали, что «первый», даже когда ложится спать, всегда кладёт устав под подушку. Канарейкин же предпочитал костюмы хотя и строгого, «партийного» фасона, но с прицелом на текущую моду. Он всегда источал ароматы дорогих, импортных одеколонов, а его манеры в общении с молодыми сотрудницами райкома и партактивистками были достойны завсегдатая великосветских салонов.

Стареющий ловелас уже давно «точил коготки» на «Тоньку-идеалистку», как про себя он её именовал. Но, к его досаде, Антонина, казалось, совсем не замечала проявляемых в её адрес знаков внимания и намёков на то, что пора бы их служебные отношения перевести в более горизонтальную плоскость. Тем не менее, Канарейкин не терял надежды одержать очередную «победу», коих в его довольно бурной биографии было изрядное множество.

Радужный, оптимистичный доклад Нескучаевой он выслушал очень внимательно, и не поспешил на комплименты, способные, по его мнению, растопить самое тугоплавкое женское сердце. Заметив, что его слова, наконец-то, как будто, начали достигать своей цели, Канарейкин, как бы про меж делом, вдруг поинтересовался – а не будет ли Тонечка против, если он однажды составит ей компанию до Прошмыркина.

– У меня ведь тоже есть «Ява», – слащаво подмигнул он, отчего Нескучаева в этот момент вдруг ощутила что-то наподобие лёгкой тошноты. – Застоялся в стойле конь...

Приосанившись, с приятной миной на лице, Канарейкин ослабил в ожидании ответа. Но, как видно, свои познания загадочной женской природы он слишком уж переоценил. Фамильно-игривое «Тонечка», вопреки его ожиданиям, подействовало на Нескучаеву как жужжание докучливой июльской мухи. Её сияющая улыбка моментально сменилась на колкую усмешку, и уже своим обычным, «комиссарским» тоном, она вежливо, но едко парировала:

– Извините, Анатолий Юрьевич, но я езжу слишком быстро, и поэтому, боюсь, вам за мной не угнаться.

Обозлённый её неуступчивостью («Ну что ты всё ломаешься, что душой-то прикидываешься?!») Канарейкин, тут же приняв «государственно»-озабоченное выражение лица, как можно строже и суше поинтересовался, как часто «товарищ Нескучаева» планирует курировать Колотушкина, и когда ею намечена следующая поездка. В ответ Антонина лишь пожалала плечами.

– Этот вопрос я хотела бы согласовать с Георгием Максимовичем. Но, в любом случае, вероятнее всего, поеду туда не скоро.

Это «не скоро» состоялось уже на следующий день. Когда Нескучаева подруливала к уже знакомой калитке, навстречу ей со двора выбежал здоровенный кудлатый барбос гиеноподобной масти с разными по величине ушами. Даже опытный кинолог вряд ли смог бы определить с первого взгляда, сколько же пород смешалось в этом творении свободной собачьей любви.

Вместо того, чтобы злобно залаять и накинуться на нарушительницу его собачьего покоя, пёс громко зевнул, завилял хвостом и, как заправский попрошайка, вопросительно вытянул морду, принюхиваясь к карманам гостыи. На его счастье в одном из них завалялась карамелька. В это время из дома вышел Колотушкин.

– Бич, ко мне! – громко приказал он, и обеспокоенно спросил, не укусил ли пёс Тоню.

Та, погладив барбоса по голове, поспешила успокоить Фёдора, уведомив, что его Бич – пёс хоть куда, под стать хозяину, несмотря на несколько странную кличку.

– Так, бродяг-то в народе всегда зовут «бичами», – выйдя со двора, пояснил Колотушкин. – Да, он ко мне только вчера прибулдился. Вечером откуда-то пришёл. Прогонять его не стал – пусть живёт! Что я ему, куска хлеба не найду?.. – снисходительно махнул он рукой.

Уже по-приятельски поздоровавшись, Фёдор и Антонина вновь присели под той же вишней, и продолжили свои политико-воспитательные беседы. Излагая Колотушкину заранее заготовленные пассажи о преимуществах коллективного хозяйствования, Нескучаева нарадоваться не могла на своего подопечного. Он с самым внимательным, с самым серьёзным видом внимал её рассуждениям, иногда кивая головой, и даже вставляя пару слов в контексте услышанного.

«Наши бы бараны, агитаторы и пропагандисты, умели так слушать! – мысленно воздыхала Антонина. – А то ты им – про политику партии на современном этапе, а они – в «балду» играют и обмениваются сплетнями...»

Как и вчера, уезжая, она оставила кипу агитационных материалов, имеющих, как ей казалось, мощный идейный заряд, способный направить заблудшую Федину душу на путь истинный, после чего отбыла в совершеннейшем убеждении, что до возвращения Колотушкина в колхоз – уже рукой подать.

Но при этом, одновременно, где-то глубоко-глубоко в душе у неё вдруг зародилось сомнение: а так ли уж надо возвращаться Фёдору в колхоз? Он ведь не в банду же какую-нибудь записался, и грабить никого не собирается! Ну и что тут такого, если он без указок Неронова будет самостоятельно пахать землю, сеять, убирать урожай?..

Однако вовремя вспомнив о том, что она – «боец партии», который направлен на «идеологический фронт», Антонина вовремя искоренила в себе это мелкобуржуазное сюсюканье. «Надо быть как Корчагин! – решила она. – Не щадить ради идеи ни себя, ни других!..»

«Первый», которому на бюро удалось успешно отбиться от светившего ему «строгача с занесением», что могло означать очень скорое прощание со своей теперешней должностью, Нескучаевой остался очень доволен. Он порекомендовал усилить натиск и, отложив все иные дела, не считаясь со временем, «добить врага решительным ударом». Как ему уже не раз сообщали с мест директора и парторги хозяйств, чуждые социализму фермерские настроения начали охватывать всё новые и новые сёла района. Поэтому публичное отречение Колотушкина было бы как нельзя кстати.

Очередной визит Антонины в Прошмыркино состоялся в полдень. С утра у неё были неотложные дела в подшефной школе. Едва освободившись, она, даже не завернув домой,

помчалась по синеватой глади новенького «с иголки» шоссе. Потом асфальт закончился, начались кучи щебня, рытвины... Здесь, чадя выхлопными трубами и, натужно гудя, работала дорожная техника. Ну а дальнейший, оставшийся путь, как и обычно, походил на полосу препятствий.

Колотушкин, только что прибывший с поля, где культивировал пары, уже успел искупаться в узковатой, но глубокой Карасихе, и готовился к обеду. Он как будто заранее предчувствовал момент прибытия Антонины – стол, поставленный им под вишней, был накрыт на двоих.

За обедом Антонина, не удержавшись, спросила Колотушкина о том, как же ему удалось уберечь посуду от проделок совсем недавно буйствовавшего в его доме полтергейста. Фёдор, глядя куда-то в сторону и, едва сдерживая смех, пояснил, что его полтергейст – парень был толковый, поэтому бил и ломал в разумных пределах, лишнего не трогая.

Сразу после трапезы состоялась их, ставшая уже привычной, идеологически-воспитательная беседа. Как и всегда, Фёдор слушал свою наставницу с неослабевающим вниманием. Он полностью соглашался со всеми её доводами, выводами, заключениями, внимательно изучал всё, что она ему оставляла. Но... К огорчению Антонины, этим всё и кончалось. За прошедшие дни Колотушкин ни разу не встретился с Нероновым, о чём тот уже пару раз довольно сердито говорил с ней по телефону. Более того, во время каждого своего последующего визита Нескучаева замечала, что у Фёдора появляются всё новые и новые доказательства бесплодности прилагаемых ею усилий. Однажды она заметила добытую им, скорее всего, на свалке металлолома, борону. Потом вдруг появились новые лемеха, потом – новые культиваторные лапы... Это Тоню выбивало из равновесия, но она надежды не теряла, и собиралась бороться с кулацкими настроениями Колотушкина до победного конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.